

Где мое место?

книга первая

16+

ЕЛЕНА ЧУМАКОВА

РОМАН

ЕЛЕНА

**ТАМ, где поют
СОЛОВЬИ**

Елена Чумакова
Там, где поют соловьи. Книга
первая. Где мое место?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66440658

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-94426-8

Аннотация

Представьте, что привычный мир вокруг оказывается чуждым, близкие люди не теми, за кого себя выдавали, и даже вы сами совсем не тот человек, кем себя считали. В такую ситуацию попадает Агата, распутывая семейную тайну. Куда заведет отважную путешественницу неумный характер? В основу первой книги романа «Там, где поют соловьи» положено старое семейное предание.

Содержание

Глава 1. Странный конверт	4
Глава 2. Омаха	20
Глава 3. Тайн становится больше	34
Глава 4. Утонувший венлок	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Чумакова
Там, где поют соловьи.
Книга первая.
Где мое место?

Глава 1. Странный конверт

Август 1905 года, штат Небраска

Жаркий ветер, подувший со стороны Канзаса, не освежил разгоряченное работой лицо Агаты, но вызвал беспокойство. Девушка сняла с плеч и опустила на землю наполненную початками кукурузы плетеную корзину, расправила затекшую от ее тяжести спину. Она смахнула со лба прилипшие пряди темных волос, огляделась из-под ладони. Невысокого роста, в отцовских рабочих штанах, закатанных почти до колен и затянутых ремнем на тонкой девичьей талии, в клетчатой, сильно выгоревшей и просоленной потом мужской рубашке, в старой соломенной шляпе она больше походила на мальчишку-подростка, чем на барышню, хозяйку фермы.

Справа и слева от нее в зарослях кукурузы мелькали руки

батраков, собирающих урожай. Слишком раскаленное для конца августа солнце клонилось к западу. Порыв ветра волной прокатился по вершинам кукурузных стеблей. Редкие облачка обманчиво-спокойно плыли высоко в ясном небе, но на юге теснились над горизонтом, словно отара овец. Агата закричала, замахала руками, привлекая внимание батраков и показывая в сторону сгущавшихся облаков. Билл, рослый мулат, считавшийся старшим в артели, оставил работу, подошел к девушке.

– Похоже, надвигается торнадо, мисс, – сказал он, вглядываясь в темнеющий горизонт.

– Да. Надо заканчивать работу, грузить корзины и поспешить к амбару, там укроемся. Где Том с повозкой? Вечно этот мальчишка застревает в дороге!

Молоденькой фермерше было всего семнадцать, однако после внезапной кончины отца груз ответственности за работы в поле вынудил ее быстро повзрослеть. Делами фермы жесткой рукой заправляла мать Агаты, миссис Барбара Свободова. Она и при жизни мужа вела все счета, договаривалась с закупщиками. Михалу или, как его здесь называли, Майку Свободе оставалось командовать батраками в поле да заботиться об урожае. Спокойный, рассудительный, он легко находил общий язык почти со всеми соседями и работниками. Агата души не чаяла в своем отце, как и он в ней. Его внезапная кончина год назад стала трагедией для семьи, от которой ни жена, ни дочь так и не оправились. Девуш-

ка порой слышала, как мать шепотом разговаривает с фотографией умершего мужа на непонятном языке. Сама Агата выросла на этой ферме в сердце штата Небраска, слышала вокруг английскую речь и языка родителей, эмигрантов из Чехии, не понимала. Впрочем, пользовались они им очень редко, только когда хотели что-то скрыть от окружающих. На вопросы любопытной девочки отвечали, что ей знание чешского ни к чему, и время на него убивать не стоит.

– А вон и Том, – Билл показал на мчащуюся со стороны фермы в облаке красноватой пыли повозку, – ишь, как торопится! Чует кошка...

– Нет, что-то не так... вон как лошадь настегивает... Уж не случилось ли чего?

Агата побежала к дороге, раздвигая упругие кукурузные стебли с жесткими листьями. Следом потянулись батраки с наполненными корзинами.

– Мисс, бегите скорей на ферму, с миссис Барбарой беда, помирает она!

Девушка в растерянности оглянулась на быстро темнеющее небо, на корзины с урожаем, выстроенные вдоль дороги.

– Быстро грузите кукурузу, везите в амбар, – крикнула Биллу, затем повернулась к Тому, – Отвезешь корзины, переждешь там торнадо, и сразу скачи за доктором в Тьювалз.

И, не тратя времени на расспросы, побежала по пыльной дороге в сторону фермы.

В глубине души Агата не поверила словам мальчишки,

во всяком случае, что дело настолько плохо. Всего несколько часов назад они с матушкой вместе завтракали омлетом с кукурузными лепешками, и выглядела она вполне здоровой. Миссис Свободова вообще была женщиной крепкой, все хвори переносила на ногах, не жалуясь и не давая себе поблажек. Как-то невозможно было представить ее умирающей. Конечно, Том досочинил или напутал, и все окажется не так страшно. Уж она задаст потом этому мальчишке!

Однако, переступив порог дома, Агата поняла, что Том ничего не приврал. И вопрос, какого черта мальчишка делал на ферме, когда должен был работать в поле, вылетел у нее из головы. Матушка лежала на полу в столовой, около нее суетилась перепуганная служанка Мэг, мать Тома.

– Ой, мисс Агата, как хорошо, что вы быстро пришли! Давайте вдвоем переложим миссис Барбару на кровать, одной мне это не под силу.

С большим трудом женщины взгромоздили на кровать ставшую необычайно тяжелой хозяйку дома.

– Она пожаловалась, что у нее кружится голова, и вдруг упала... и забилась, – торопливо рассказывала Мэг, поправляя подушки. – Встать не может, что говорит – непонятно, хрипит... Господи, спаси и сохрани! Испугалась-то как!.. Потом разобрала, вас зовет. Я и послала Тома.

Перепуганная девушка опустилась на колени возле постели матери, взяла ее за руку. Лицо Барбары исказила странная гримаса, правая половина его выражала страдание, а левая

застыла неподвижной маской, оплыла, словно тающая свеча.

– Матушка, я здесь, все будет хорошо...

Барбара мучительно пыталась что-то сказать, показывая правой рукой куда-то в угол.

– О-о-ла...

– Матушка, это я, Агата... что ты хочешь? Что-то подать?

Сильный порыв ветра хлопнул ставней, звякнуло треснувшее стекло. Девушка метнулась к окну, с трудом справилась с рамой, закрыла ставни, а когда вернулась, все было кончено. Лицо Барбары успокоилось, разгладилась тревожная складка между бровями, крупная рука с цепкими пальцами разжалась, безжизненно свесилась с кровати. Снаружи бушевала стихия, сотрясая стены дома, а в комнате повисла тишина. Только Мэг тихонько плакала и шептала слова молитвы. Дочь сидела у кровати ошеломленная случившимся, еще не веря, еще надеясь.

Доктор, позже привезенный Томом из Тьювалза, констатировал смерть от апоплексического удара. Агата осталась совсем одна, без защиты в этом неласковом мире.

Похоронили Барбару на холме, рядом с могилой мужа. Народу на похоронах было совсем немного: фермеры с двух ближних хозяйств да сезонные работники. Семья Свободовых не была общительной. А уж родни в этих краях у эмигрантов из Чехии не было вовсе.

После поминок, когда соседи уже ушли, Билл замялся в дверях.

– Я насчет завтрашнего дня...

– Ах да, завтра... кукурузу надо срочно убирать, перестояла уже, зерно осыпается, уж только на фураж и сгодится, – вяло отозвалась новая хозяйка фермы.

– Да я это... не ждите нас, короче, – Билл топтался в дверях, мял в заскорузлых от работы руках кепку. – Мы это... там, неподалеку, на поле Шакли работать будем.

– У Бена Шакли? Почему? Вы же столько лет работаете на нашей ферме!

– Я помню, мисс. Но поймите, нам надо свои семьи кормить. А Шакли обещал заплатить поболее. И потом, если на чистоту... вряд ли столь юная мисс справится с фермой одна. Не сумеете продать урожай, и останутся наши дети голодными.

– Если вы меня сейчас бросите, то я точно не справлюсь, а вместе-то почему не справимся? У нас есть постоянные покупатели, помогите только собрать урожай.

– Не, мисс, не выйдет... Я видел, как мистер Шакли разговаривает с мистером Дюком, вашим закупщиком... Вы уж на нас не сердитесь, рассчитайтесь с нами по-честному... Кто, кроме нас, позаботится о наших семьях?

– А я? Что будет со мной? С фермой, на которой вы столько лет работали? Ведь мы вместе засевали эти поля! По-честному, говорите? А вы со мной по-честному поступаете? Мне-то что делать?

Билл мучился, топтался в дверях, страдальчески вздыхал,

пряча взгляд.

– Ну, я не знаю... Мы так решили. Вы уж не держите обиду... Наймите других работников.

– Да где же я, в разгар страды, других работников найду?! Вы же мне прямо нож в спину... Ну хорошо, давайте я вам заплачу столько, сколько этот шакал Шакли обещал. Сидел тут, на поминках, сочувствовал!

– Не, мисс, вам не потянуть. Мы уж это с ребятами обсудили. Да и совестно вас обдирать.

– А бросить не совестно? И отец, и матушка были к вам добры, и с деньгами не обманывали, всегда честно рассчитывали.

– Это да. Что правда, то правда. Но их ведь нет больше, а вам, мисс, уж не обижайтесь, нипочем не справиться. И сами разоритесь, и нас без денег оставите. Короче, не ждите нас завтра.

Билл махнул рукой и вышел. Агата проводила глазами его крупную, сутулую фигуру, размахивающую при ходьбе длинными, словно вытянувшимися от многолетней тяжелой работы руками. Новая беда тяжким бременем легла ей на плечи.

С рассветом молоденькая фермерша была уже в поле. В глубине души она надеялась, что работники все же придут, не бросят ее в такой нелегкий момент. Но никто не появился. Агата в одиночку упрямо ломала початки, таскала тяжеленные корзины к дороге, откуда их увозил Том. Мэг

осталась на ферме, в поле выходить отказалась, сославшись на больные ноги. К вечеру девушке стало ясно, что на одном упорстве ей ферму не спасти от разорения. Всю ночь она ворочалась без сна, мучимая тяжкими мыслями и страхами, а утром велела Тому заложить повозку и отправилась к Бену Шакли.

Переступив порог просторного приземистого дома, окруженного крытой галереей, Агата застала семейство Шакли за завтраком. Рядом с Беном за столом сидели его сыновья Джон и Луис, все трое рослые, с одинаково жестким взглядом широко расставленных серых глаз. Жена Бена, молчаливая, рано постаревшая женщина, за стол с мужчинами не садилась. Миссис Шакли обычно настолько старалась быть незаметной, что Агата даже не смогла вспомнить ее имя. Поставив на стол блюдо с тыквенным пирогом, она скрылась за дверью, едва кивнув в ответ на приветствие соседки. Бена появление Агаты ничуть не удивило, казалось, он ждал гостью, широким жестом пригласил ее к столу. Но девушке было не до церемоний и угощений, она сразу приступила к делу.

– Мистер Шакли, вы ведь, кажется, были дружны с моим отцом?

– Да-а, немало нами было выпито пива в «Зеленой свинье», хе-хе.

– И мы всегда были добрыми соседями?

– Ну-у... почти всегда.

– Так почему сейчас вы делаете все, чтобы разорить меня, его дочь? Ведь вы знаете меня с раннего детства!

– Ты ошибаешься, детка. Я вовсе не хочу тебя разорить. Сочувствую твоему горю и готов помочь. Чем смогу.

– Но вы же переманили у меня рабочих в разгар страды. Переманиваете закупщика... Скажете, не так?

– Конечно, не так! Просто урожай в этом году отличный, мне нужны дополнительные рабочие руки, я готов платить хорошие деньги и могу снизить закупочную цену на кукурузу. Почему я должен терять свою выгоду? Это жизнь, детка. А тебе я зла не желаю. И даже готов дать дельный совет.

– Да? И какой же?

– Тебе, девчужке, одной не справиться, ферме мужские руки требуются, хозяин. Замуж тебе надо, вот что я тебе скажу. Вот, погляди: Джон... Луис... чем не женихи? Выбирай, который больше по сердцу. Из обоих справные хозяева получатся, знают толк в работе. Объединим фермы, кто нам противостоять сможет? Сами порядки устанавливать будем!

Агата, не ожидавшая такого поворота в разговоре, растерялась. Взглянула на сыновей Бена, оба продолжали невозмутимо жевать, словно не о них шла речь. Вспомнила, как в детстве дралась с ними, спасая кошку, которой братья устроили казнь. И кошку не спасла, и самой нос расквасили. Представить кого-то из них своим мужем? Только не это!

– А еще варианты есть? Что-то мне кажется, что ни один из ваших сыновей не мечтает стать моим мужем.

– Это не препятствие, как скажу, так и сделают. Но есть еще вариант, если этот не годится. Я могу подумать о покупке твоей фермы. Вы с матушкой, конечно, хозяйство запустили, чего ждать от баб... Теперь ферма не больно-то лакомый кусок... столько в нее вложить сил и денег надо, чтобы порядок навести. Но так и быть, куплю за хорошую цену. По старой дружбе. Кто ж еще тебе, сироте, поможет?

– А если я откажусь и от этого варианта?

– Хм... Сгниет твоя кукуруза под дождем. Ферма захиреет и никому уже будет не нужна. Тогда уж я тебе помочь ничем не смогу. И никто не поможет.

Выйдя от Шакли, Агата отправилась напрямиком на свое поле. Она сидела на меже на перевернутой корзине и под царапающий шелест кукурузных листьев обдумывала ситуацию. Выйти замуж за одного из сыновей Бена? Ни за что! Продать ферму? Но это единственное, что у нее есть, ее дом, ее кусок хлеба! Где и как она будет жить? Ведь она только и умеет, что работать в поле. Пытаться в одиночку отстоять свою ферму от жадного соседа? Мало шансов выиграть эту войну. Кто даст ей дельный совет? Дельный совет... Ну конечно! Единственный человек, с которым стоит посоветоваться, это нотариус, мистер Эванз. Как она сразу о нем не подумала?! Отец доверял этому человеку все свои дела, значит, и она может ему довериться.

Агата услышала шум раздвигаемых листьев и скрип сапог. Оглянувшись, заметила над кукурузным морем соломенную

шляпу Джона Шакли. Он остановился в паре шагов от девушки, молча рассматривая ее взглядом сверху вниз. Затем опустил на соседнюю межу.

– Упрямая ты... Неужели думаешь в одиночку свои поля убрать?

– А это не твое дело. Сколько уберу, все мое будет.

– Эт верно. Эт так... А давай, помогу тебе? В охоточку! Кто больше и сноровистей, а?

И, не дожидаясь ответа, вскочил, схватил пустую корзину и начал ломать початки. Агате ничего не оставалось, как присоединиться. Они работали все азартнее, подшучивая друг над другом, ревниво поглядывая, как наполняются корзины. Наконец Джон остановился.

– Эй, смотри, сколь я набрал! Почти вдвое против твоего. Вишь, что значит мужская сила! Со мной не пропадешь, девка!

Агата не успела понять, что происходит, как оказалась притиснутой к его груди, ощутила разгоряченную плоть сквозь мокрую от пота одежду, запах лукового пирога и сидра.

– Ну, не упрямясь... Я ведь того... жениться...

Она попыталась оттолкнуть его, вывернуться из стиснувших ее рук, но куда там! И тогда она, что было сил, вцепилась зубами в его мясистый нос. Джон взвыл, отшвырнул ее в сторону. Агата вскочила, извернувшись, как кошка, и побежала к дороге, к своей повозке. Следом, чертыхаясь, тяжело бе-

жал ее обидчик. Впопыхах он запнулся о наполненную корзину. Початки высыпались на межу, ноги запутались в корзине. Девушка успела добежать до повозки, вскочить на козлы и схватить кнут. Хлестнула по ухватившимся за борт рукам Джона. Второй удар кнута пришелся по крупу лошади, и та рванула с места так, что спавший в повозке Том едва не выпал на дорогу.

Влетев во двор своей фермы, Агата выскочила из повозки, бросив в ней ошалевшего спросонья мальчишку, вбежала в дом и заперла дверь на засов. Зачерпнув железной кружкой воду из ведра, Агата залпом выпила несколько глотков, остальное плеснула себе в лицо. Это помогло ей прийти в себя. Слушая заполошное кудахтанье служанки, Агата думала, что ни Мэг, ни Том не смогут защитить ее. А что Джон Шакли, подбадриваемый отцом, окажется настырным, она не сомневалась.

Через час крытый тарантас с Томом на козлах остановился перед конторой нотариуса на пыльной главной улице городка Тьювалз. Из тарантаса вышла Агата, умытая и тщательно причесанная, одетая в приталенный серенький в тонкую лиловую клетку костюм. Голову покрывала соломенная шляпка с траурной черной лентой вокруг низкой тульи.

Мистер Эванз встретил ее приветливо, внимательно выслушал просьбу девушки. Несколько раз в задумчивости прошелся по кабинету, прежде чем дать совет.

– Выходить ли вам, мисс, замуж за одного из Шакли, ре-

шать только вам, тут я не советчик. А вот насчет продажи фермы... пожалуй, это лучшее решение. Что вас ждет в этой глуши? Непосильная каждодневная работа, от которой вы рано состаритесь. Я знаю вас с тех пор, как вы верхом на деревянной лошадке скакали по двору, – нотариус улыбнулся собственным воспоминаниям, – и помню, как вы хотели учиться, как тянулись к книгам. Если бы ваша матушка не была против, вы бы могли получить неплохое образование. Головка-то у вас светлая! Продавайте вы эту ферму. Только не слушайте Бена, а выставляйте на торги, так вы выручите за нее куда большую сумму. Ферма-то в хорошем состоянии, что бы ваш сосед ни говорил. Уж я-то знаю. А чтобы Шакли не наложили на нее свою волосатую лапу, давайте оформим доверительное управление на меня, до тех пор, пока вступите в свои наследственные права по закону. Это их отрезвит. Как только продадите ферму, большую часть денег положите в надежный банк под проценты, а на остальные поезжайте в Омаха. Там в Медицинский центр штата Небраска, насколько я знаю, принимают на учебу девушек. И будет у вас совсем другая, интересная жизнь. В большом городе и судьбу свою легче встретить.

– Вы думаете, у меня получится? Страшновато...

– Не сомневаюсь. Решайтесь, мисс!

Прошло несколько месяцев. Миновала холодная, но малоснежная зима. Вступив в права наследования и оформив с помощью мистера Эванза бумаги, мисс Свободова выста-

вила ферму на продажу. Покупатель нашелся быстро и цену дал хорошую.

Готовясь к отъезду, Агата разбирала вещи. В сундуке под образами, где хранились скатерти, вышитые полотенца, отрезки тканей, столовое серебро, то, что копилось годами и предназначалось ей в приданое, она наткнулась на запертую шкатулку. Ключа не было. Агата вспомнила, что на шее у матери всегда висел на шнурке маленький ключик, наверное, тот самый. Ей помнилось, что она сняла этот ключик перед похоронами и убрала его куда-то на полку. Вот только на какую? После недолгих поисков ключ был найден. В шкатулке лежали акции Пенсильванской железной дороги, банковские облигации и самодельный конверт из оберточной бумаги. Он был тщательно заклеен. Вскрыв его, Агата обнаружила потертый на сгибах, пожелтевший от времени листок с частично выцветшей фиолетовой печатью. Документ был на незнакомом языке. Прочитать его девушка не смогла. Покрутив в руках странную бумажку, она сунула ее обратно в конверт и бросила на кучку ненужных вещей. А шкатулку с ценными бумагами уложила на дно своего саквояжа.

Последняя ночь в родительском доме. Агата долго не могла уснуть, в голове роились мысли о том, сколько могут стоить найденные ею акции, что делать с облигациями и какая жизнь ждет ее в Омаха. О том, что совсем скоро в родных стенах будут жить чужие люди, и она никогда не сможет сюда вернуться, девушка старалась не думать. Сквозь долгождан-

ную дрему она услышала, как ветер хлопнул ставней, в памяти вдруг ясно всплыли подробности того ужасного августовского дня. Словно вновь увидела, как мать пытается что-то сказать и показывает рукой куда-то в правый угол комнаты, а потом кладет руку на грудь. Тогда Агата решила, что умирающая показывает на образа, просит подать ей икону. А ведь сундук, в котором она нашла шкатулку, стоит как раз под образами! А ключ от шкатулки матушка носила на груди... Она хотела сказать о ценных бумагах? Или... Она произнесла непонятное «О-о-ла»...

Агата вскочила, сунула босые ноги в ботинки, накинула поверх ночной сорочки платок и выбежала во двор. Втащила по снегу в дом мешок, приготовленный для повозки мусорщика и, порывшись в нем, отыскала странный конверт. При свете керосинки еще раз взгляделась в загадочный листок бумаги. Похоже на какой-то документ... Вот слово, начинающееся с заглавной «О», одинаковой во всех языках, а дальше несколько непонятных крючочков... Может быть, это чешские буквы? А может, этот документ и есть то, о чем пыталась сказать перед смертью матушка? Выходит, эта бумага важнее акций? Какую тайну она хранит? Агата бережно вложила листок в конверт и убрала в свой саквояж.

Рано утром бывшая хозяйка фермы наскоро попрощалась с Мэг и постаралась как можно быстрее покинуть дом. Уезжая, не позволила себе оглянуться на ферму, где прошли ее детство и юность. Как только тягостный момент миновал,

мысли Агаты переключились на будущее.

Глава 2. Омаха

Февраль 1906 года, штат Небраска

Вокзальные часы показывали восемь вечера, когда Агата сошла с поезда на крытый перрон вокзала Омаха. Нагруженная тяжелым, довольно громоздким багажом, она старалась не отстать от других пассажиров, вместе со всеми прошла через здание вокзала и оказалась на улице. Здесь людской поток распался, смешался с прохожими, и девушка в растерянности остановилась. До этого дня ездить дальше Тьювалза юной фермерше не приходилось. Впервые она попала в большой город и с любопытством глазела по сторонам: огни уличных фонарей, обилие ярко освещенных витрин, улица, похожая на русло реки, по которому текли потоки экипажей, спешащих людей. Изредка, гудя клаксонами, проносились авто, обдавая пешеходов парами бензина. Но больше всего удивили дома, это нагромождение этажей, окон. В Тьювалзе домов выше двух этажей не было, а здесь она насчитала и четыре, и пять! «Как же в них люди живут? Страшно, наверное, жить так высоко, – думала она, глядя на освещенные окна верхних этажей. – А внизу и того страшнее: жуть столько камня над твоей головой!»

Вдоль улицы дул пронизывающий ветер. С неба, казавшегося черным по сравнению с искрящимся под фонарями снегом, сыпалась и сыпалась колючая снежная крупа. Девушка зябко поежилась, отыскала в кармане бумажку с адресом отеля, которую вручил ей перед отъездом мистер Эванз, каждый раз, приезжая в Омаха по делам, он останавливался именно там.

В свете фонаря прочитала: «Проехать от вокзала на трамвае пять остановок до отеля «Favorite». Дуглас стрит, дом...». Оглядевшись, увидела, что по рельсам, проложенным вдоль улицы, катится освещенный вагон. И внутри, и на крыше, куда вела винтовая лестенка, сидели люди. Догадавшись, что это и есть трамвай, Агата торопливо похватила свои вещи и кинулась к нему наперерез. Рядом раздался вскрик. Она почувствовала резкий рывок назад, поскользнулась, упала. Мимо, отчаянно сигналив клаксоном, промчался автомобиль. Мужчина, выдернувший Агату из-под его колес, помог ей подняться. Лицо его под козырьком низко надвинутой кепки было сердито.

– Эй, мисс, вам что, жить надоело? Куда под машину кидаетесь? Смотреть по сторонам надо. Тут вам не двор вашей фермы, а город!

– Так мне на трамвай сесть надо! Ну вот, уехал...

Агата чуть не плакала, отряхивая подол.

– Чтобы сесть в вагон, надо дойти до остановки. Вон она, слева от вокзала. Посреди улицы трамвай не останавливает-

ся.

– Спасибо. А как вы догадались... ну, насчет фермы?

Мужчина только хмыкнул в ответ и, подняв повыше воротник тужурки, торопливо пошел прочь.

Ждать следующий трамвай пришлось довольно долго. С трудом забравшись со всеми своими вещами по неудобным ступенькам внутрь, Агата замешкалась. Вагон тронулся, пол дернулся под ногами девушки, и она, не удержав равновесия, ткнулась лицом в спину стоящего впереди джентльмена. И вновь заслужила сердитый взгляд. В вагоне было тесно и холодно. Нет, этот город, такой неприветливый, полный опасностей, ей определенно не нравился. Занятая своими мыслями, Агата забыла считать остановки. Сколько она проехала? Одну? Две? Которая остановка пятая? Наконец решилась выйти.

Она оказалась на темной пустынной улице, зажатой между мрачными домами из красного кирпича. Здесь не было такого количества фонарей, как в районе вокзала, большая часть улицы тонула в темноте. Снегопад усилился. Ветер крутил поземку, из-за которой мостовая и все окружающие предметы теряли четкие очертания. Никакого отеля поблизости не наблюдалось. Кажется, она сошла не на той остановке. Проехала? Или не доехала? В какую сторону идти? И спросить не у кого... Улица в этот довольно поздний час была пустынна. Только освещенные окна подтверждали, что город обитаем. Там, за этими стенами, жили люди, мно-

го людей, но им не было дела до заблудившейся в каменных дебрях замерзшей девушки.

Вместо отеля Агата заметила трактир, расположенный в полуподвальном помещении. Она спустилась по щербатым каменным ступеням и толкнула дверь. Внутри было тепло, накурено и шумно. Компания крепко подвыпивших мужчин играла в карты. Мимо Агаты пробежал лакей, едва не задев ее подносом, уставленным кружками с пивом.

– Эй, мисс, желаете выпить? – из-за барной стойки вошедшую посетительницу окликнула хозяйка заведения. Весь вид женщины говорил о том, что она уже пропустила кружку-другую пива, а то и чего покрепче.

– Я заблудилась. Вы не подскажете, как мне найти отель? – Агата подошла к стойке, протянула барменше бумажку с адресом.

– «Фаворит»? Что-то я не слышала о таком... Поблизости точно нет. Эй, Джони, ты слышал что-нибудь об отеле под названием «Фаворит»?

От компании наблюдающих за игрой отделился невысокий парень, нехотя подошёл к стойке.

– Фаворит... Фаворит... Это на Дуглас стрит? Знаю. Только это далеко.

Вскоре Агата выяснила, что уехала от вокзала не в ту сторону. И теперь ей надо вновь ехать на трамвае в противоположном направлении. Вокруг девушки начали собираться любопытствующие. Ей стало не по себе. Хозяйка заведения

поняла ее испуг по-своему:

– Джони, проводи-ка мисс на остановку, да посади в вагон. Вишь, девушка деревенская, боязно ей одной на темной улице.

Парень сдвинул кепку на макушку, подмигнул товарищам:

– Отчего же не проводить такую телочку, отбившуюся от стада? А то кабы волки не утащили.

– Да ты не бойся Джони, – усмехнулась хозяйка, заметив растерянность в глазах посетительницы, – он балабол, но парень безобидный.

Когда уставшая путешественница вошла, наконец, в холл отеля, стрелки часов подходили к одиннадцати. Дома в этот час она бы уже спала под перинкой из утиного пуха.

Вестибюль освещался только желтым светом абажура над стойкой дремлющего портье.

– Недорогой номер? Сожалею, мисс, но свободных номеров сейчас нет. Ни дешевых, ни апартаментов. Поищите другой отель.

Вновь в темноту, холод, неизвестность? Ну уж нет! Хорошо этому мистеру давать советы, находясь тут, в тепле! В Агате проснулось упорство фермерши, она решительно направилась к мягкому дивану, возле которого шатром раскинула глянцевые листья пальма, сняла пальто, расположилась поудобнее, достала из корзины сверток с остатками пирога, бутыл с молоком, разложила все это на низком столике, ото-

двинув кипу газет и журналов, и приступила к запоздалому ужину. Рядом возник удивленный портье.

– Мисс, что вы делаете? Здесь так нельзя! Извольте покинуть отель.

– Я никуда не уйду. Нет свободного номера? Значит, я буду ночевать на этом диване.

– Но... мисс, вы не на своей ферме, у нас молодые девушки так себя не ведут. Я вынужден вызвать полицию.

Вместо ответа Агата убрала в корзину остатки ужина, легла на диван, укрывшись пальто, и закрыла глаза. Честно говоря, она испугалась угрозы, провести ночь в каталажке ей совсем не хотелось, но оказаться вновь на вымороженной ночной улице незнакомого города было еще страшней.

В этот момент на лестнице послышались приглушенные голоса, в холл спустились двое: мужчина и женщина. Следом за ними беллбой¹ тащил новенький громоздкий чемодан с блестящими металлическими уголками. Мужчина в дорогом пальто с меховым воротником выглядел настоящим джентльменом. Дама была ему под стать. Портье переключил свое внимание на эту пару. Через несколько минут, проводив солидных гостей, он вновь возник возле дивана.

– Мисс, проснитесь, у меня хорошие новости. Сейчас освободился один номер. Правда, он не дешевый, но и не самый дорогой. Вам только придется подождать полчаса, пока горничная там приберется.

---

¹ Беллбой – служащий в отеле, коридорный, посыльный.

Оставшись, наконец, одна в номере, едва сняв пальто и ботинки, Агата упала на кровать и разрыдалась. Этот город, чужой, равнодушный, непонятный, пугал ее. Как здесь жить?! Ее затопчут, раздавят как букашку, и никто даже не спохватится, не пожалеет о ней! Вокруг столько людей, но никому нет до нее дела. Здесь она даже более одинока, чем на своей ферме! Там хоть были Мэг и Том. И мистер Эванз. Ах, зачем она его послушалась! Зачем продала свою ферму? Она бы все сейчас отдала, лишь бы снова очутиться в родном доме, в своей теплой постели, услышать, как Мэг, тихонько напевая, моет посуду после ужина, как знакомо мычит корова в сарае и тикают старые ходики... ходики... тикают...

Так и закончился этот бесконечный, трудный день. Девушка не заметила, как заснула в одежде, поверх шелкового покрывала, обняв мокрую от слез подушку.

Утро разбудило чьим-то голосом в коридоре, быстрым топотом ног. Агата села на постели, огляделась.

Номер был довольно просторным, обставленным неприлично, по-городскому. На письменном столе из темного дерева уютно горела настольная лампа под массивным абажуром. В ее свете поблескивал боками хрустальный графин с водой, стоящий на чайном столике. Рядом, возле окна, глубокое кресло. У противоположной стены резной шкаф с огромным, в рост, зеркалом. Над широкой кроватью балдахин из тонкого полотна. Все вокруг выглядело дорого и солидно. Вскочив с постели, девушка раздвинула бархатные

портьеры на высоком окне. Разгоралось утро, тихое и ясное, словно не было вчерашней метели. Выпавший за ночь снег еще не успели затоптать, и он лежал ровный, белый, словно чистый лист бумаги. Вот проехал один экипаж, оставляя темные следы, за ним второй. Новый день начал свою летопись.

Быстро собравшись, свежая и отдохнувшая, Агата отправилась на поиски Университета Крейтон, к которому и относился Медицинский центр штата Небраска. Задача оказалась нелёгкой, она плутала по незнакомому городу довольно долго, прежде чем нашла студенческий кампус. Аллея привела ее от ворот мимо церкви со стрельчатыми сводами к серому зданию с высокой средней частью и длинными боковыми крыльями. С трудом приоткрыв массивную дверь, девушка скользнула внутрь, в полумрак фойе. Широкая лестница вела на галерею, опоясывающую центральную часть холла. В свете, падающем из окон второго этажа, она увидела компанию молодых людей, спускающихся по ступеням. Агате они показались едва ли не небожителями, сходящими с Олимпа. В руках они несли кто сумки, из которых выглядывали книги, кто просто связки учебников, перетянутые ремнем. Среди студентов были две девушки. Они держались свободно, так же громко разговаривали, смеялись. Агата смотрела на них во все глаза. В Тьювалзе было принято, чтобы порядочные девушки помалкивали в присутствии мужчин. Появляться в общественных местах прилично было только в со-

провожении кого-либо из родственников. Кажется, здесь, в городе, иные правила.

Компания студентов остановилась посреди фойе, между ними завязался спор. Одна из девушек достала тетрадь, перелистнув, нашла нужную страницу. Все сгрудились над тетрадкой, слушая ее пояснения. Затем один из парней сказал:

– Нет, я уже ничего не воспринимаю. Есть хочется. Пошли обедать!

– Да, хватит. Пойдем. Куда сегодня? В кондитерскую Эшли? – поддержали его остальные.

Шумная компания прошла мимо Агаты, дверь за молодыми людьми захлопнулась. Девушка проводила их взглядом с чувством легкой зависти. Как бы ей хотелось быть одной из них! Такой же свободной, независимой, окруженной друзьями.

В прежней жизни весь круг общения Агаты ограничивался родителями и работниками на ферме. Отец по утрам привозил её на тарантасе в Тьювалз в школу. После уроков он же встречал и увозил ее домой. Девушек в классе было мало, держались они отдельно от юношей. А у тех было принято высокомерно-снисходительное отношение к одноклассницам. Так же относился к своим ученицам их учитель, мистер Джобсон. Хотя девушки, за счет своего прилежания, часто показывали лучшие результаты в учебе, он искренне считал, что им точные науки ни к чему, и снисходительно ставил ученицам «удовлетворительно», не вслушиваясь в их отве-

ты.

Подруг среди одноклассниц у Агаты не было. Ей чужда была вся сентиментальная чепуха, все эти рюшечки, сердечки, бантики, котики и овечки, коими были забиты головы юных барышень. Ее друзьями были книги. Больше всего она любила забраться на сеновал с интересной книжкой и, забыв обо всем на свете, читать. Матушка сердилась на нее, называла бездельницей, лентяйкой, порой выбрасывала книжку, а отец украдкой заезжал с дочкой в книжную лавку и покупал ей новую. Сам он был простым работягой, книг не читал, но интерес дочки к чтению уважал.

В секретариате Агату ждало разочарование. Мужчина с тщательно уложенными напомаженными волосами, с тонкими усиками над пухлыми губами, небрежно просмотрев ее документы, вернул их.

– Если хотите здесь учиться, вы должны бы знать, что документы к рассмотрению подают в июле-августе, а сейчас февраль. Приходите летом.

И он вновь погрузился в свои бумаги, не обращая больше внимания на стоящую перед ним девушку. Но Агата не собиралась сдаваться.

– Объясните, пожалуйста, что я могу сделать сейчас, чтобы в августе попасть на учебу в университет?

– Я вам все сказал, – ответил секретарь, не поднимая головы.

В этот момент в помещение вошел пожилой джентльмен.

Вид у него был несколько растрепанный. Агата заметила пятнышко от соуса, расплывшееся на лацкане его сюртука.

– Что здесь происходит? – спросил он то ли секретаря, то ли посетительницу.

– Да вот, фермерша учиться приехала, – небрежно кивнул секретарь напوماженной головой в сторону девушки. – Это в середине учебного года!

Джентльмен поверх сползших на кончик носа очков внимательно посмотрел на Агату. Взяв из ее рук документы, так же внимательно, уже сквозь очки, просмотрел их.

– Ну что же, милая барышня, ваше желание учиться весьма похвально. Но секретарь прав: документы мы принимаем в августе. Однако, чтобы успешно выдержать приемные испытания летом, вам надо начать серьезно готовиться уже сейчас. Думаю, что знаний, полученных в сельской школе, окажется недостаточно. Я бы посоветовал вам записаться на подготовительные курсы при нашем университете. Они платные, но только так у вас есть шанс поступить к нам.

– Я согласна, – Агата обрадовалась предложению. Она все-таки будет здесь учиться, хоть пока и на подготовительных курсах.

– Мистер Стенфорд, оформите мисс... э-э... Свобо... Свобо-до-ву и разъясните, как ей оплатить учебу, когда и куда приходить. – До встречи на экзаменах, мисс, – улыбнулся он Агате, возвращая документы.

После всех формальностей Агата, наконец, вышла на ули-

цу. Она шла, полная надежд и сомнений, подставляя лицо влажному ветру. Удивительно, как всего за сутки переменилась погода! Еще вчера мела метель, а сегодня в воздухе явственно запахло весной. Этот запах невозможно описать: пахнет набухающими почками? Тающим снегом? Мокрой корой деревьев? Никто не может объяснить, но узнают его с первого дуновения. И лица прохожих светлеют – скоро, скоро весна!

Агата остановилась перед витриной модного магазина. За стеклом замерли в изящных позах манекены. Такие же прямые узкие пальто с пышными сборками по окату рукавов были на девушках-студентках, которых она видела в университете. И такие же юбки, открывающие взглядам высокие ботинки на каблучках. А какие элегантные шляпки, муфты, перчатки разложены за стеклом! Рядом она увидела своё отражение: мешковатое поношенное пальто, длинная, в пол, юбка, разношенные ботинки, шерстяные чулки домашней вязки, матушкина шаль поверх старой всесезонной шляпки на голове, варежки из неотбеленной шерсти, связанные руками Мэг. Ей стало ясно, почему все безошибочно угадывают в ней деревенщину. Да, в таком виде она здесь чужая.

Агата толкнула застекленную дверь и вошла в магазин. Молодой приказчик и барышня-продавщица глянули на нее без интереса и продолжили свой разговор. Посмотрев на ценники, Агата ужаснулась и повернула к выходу. Но тут в магазин впорхнула нарядная дамочка. И вмиг приказчик

встрепенулся, оказался рядом, заюлил, предлагая товар, продавщица забежала с коробками. Дама купила пару перчаток и ушла. Агата, наблюдавшая эту сцену, решительно повернула к вешалкам, стала выбирать пальто. Приказчик подошел, окинул ее небрежным взглядом:

– Вы хотите что-то приобрести или просто интересуетесь?

– Хочу купить пальто... и ботинки, и шляпку, и... все необходимое, – ответила Агата, рассматривая вещи на вешалках.

Тут же молодой человек преобразился, засуетился. Он щелкнул пальцами, и рядом, как по волшебству, возникла продавщица, вокруг Агаты закружилась карусель из модных вещей.

Через час из дверей магазина вышла другая барышня. Угадать в ней прежнюю деревенскую девушку было сложно. Она оставила свои старые вещи в магазине, сказав, что забрет их позже, и шла налегке, спрятав руки в новых перчатках в меховую муфту. Шейку ласкало пушистое боа. В модном пальто и шляпке, украшенной двумя голубиными крылышками, было зябко. Но ничего, ведь скоро весна! Она осторожно ступала по обледенелой мостовой, непривычная к каблучку. Замедляя шаги перед витринами, разглядывала свое отражение, узнавая и не узнавая себя. Поймала один заинтересованный мужской взгляд, второй... Какой-то джентльмен услужливо распахнул перед ней дверь на входе в кафе, официант поспешил обслужить милую посетительницу, в трам-

вае уступили место. Вот, оказывается, в чем секрет успеха в городе: в том, как человек одет! Ее больше не толкали, не оттирали плечом в дверях. Она казалась своей, городской. И ей это нравилось! Другими глазами смотрела она на затейливые фасады высоких домов, зажигающиеся с наступлением сумерек фонари, мчащиеся машины, трамваи, занятные витрины. Вокруг бурлила, звучала, манила городская жизнь. И она уже не пугала Агату, ей захотелось стать частью этого города.

Лишь одно омрачало ее настроение: мысль об огромной сумме денег, потраченной за этот первый день ее городской жизни. Что-то ждет ее дальше?

Глава 3. Тайн становится больше

Август 1906 года. Омаха

Каблуки туфель Агаты слегка вязли в размякшем от жары асфальте. Она неспешно шла по перрону, вглядываясь в лица пассажиров, прибывших западным экспрессом. Наконец заметила выходящего из вагона мистера Эванса. Серые бакенбарды обрамляли благородное лицо, на голове старомодный цилиндр, в руках саквояж и буковая трость с массивным серебряным набалдашником в виде головы грифона – весь его облик, не меняющийся с годами, всколыхнул в душе Агаты воспоминания детства. Улыбаясь, пошла она к нему навстречу. Но мистер Эванз, скользнув по ней взглядом, прошел мимо. Слегка растерявшись, Агата окликнула его. Старик оглянулся... и продолжил свой путь. Девушка догнала его, тронула за рукав. Как же удивился нотариус!

– Боже мой, мисс, вы так изменились! Я вас не узнал! Здоровы ли? Где ваш румянец? Где круглые щечки? Где косы?

Через час Агата сидела в кафе напротив отеля «Favorite» и ждала, пока мистер Эванз, расположившись в своем номере, спустится вниз. Войдя в помещение, нотариус вновь не сразу узнал девушку, растерянно озирался, вглядываясь в

посетителей. Пришлось Агате его окликнуть.

– Никак не могу привыкнуть к вашему новому облику, мисс, – смущенно улыбнулся старик. – Ну, расскажите, как вам живется? Не жалеете, что послушались моего совета? Честно говоря, я за эти полгода часто думал о вас, переживал.

– Нет, что вы! Вы правильно мне подсказали. Не скрою, первое время было нелегко, но потом все устроилось. Мне есть чем похвастать. На днях я успешно прошла испытания по всем дисциплинам и зачислена в Медицинский центр. Буду учиться!

– Вот как? Поздравляю! Молодец, девочка! Ну, а как у вас с деньгами? Не растранили свой капитал?

Агата смутилась, отвела взгляд, начала рисовать пальцем узоры на скатерти.

– Честно говоря, потратила я много больше, чем планировала. Жизнь в городе такая дорогая... Но сейчас я нашла экономное жилье, снимаю меблированную комнату на пару с подружкой. Устроилась на работу. Очень удачно! Работаю телефонисткой на коммутаторе в городской телефонной компании. Работа с почасовой оплатой, можно выбирать удобное время, учеба не пострадает. Теперь даже понемножку откладываю, возвращаю потраченное.

– Надеюсь, акции вы не продали? – строго спросил нотариус.

– Нет, нет! Я помню все, что вы мне говорили. Спасибо

вам за заботу, мистер Эванз! Мне больше не на кого надеяться, кроме себя и вас. Я очень ждала вашего приезда... У меня к вам есть один вопрос.

Агата вытащила из ридикюля конверт из оберточной бумаги, извлекла из него пожелтевший листок, положила его перед нотариусом.

– Вот. Вы видели этот документ? Я нашла его в матушкиной шкатулке, в которой она хранила самые важные бумаги. Что-нибудь можете мне объяснить?

Нотариус надел пенсне, внимательно осмотрел лист со всех сторон, затем вернул его девушке.

– Нет, мисс. Я впервые вижу этот документ и ничего не могу вам сообщить о его содержании. Похоже на метрику... дата, имена. Но язык мне незнаком. Чешский? Надо искать переводчика. В Омаха есть чешские переселенцы, обратитесь к ним.

– Я нашла. Но переводчик сказал, что это не чешский! А еще он сказал, что язык явно славянский, но какой: болгарский, польский, русский, украинский, он определить не может. И что мне делать? Кого искать? Я так надеялась, что вы знаете о моих родителях больше, чем я!

– Нет, я был в курсе только финансовых дел. Ваши родители были довольно-таки замкнутыми, не очень-то откровенничали. Надо же! Они казались такими... простыми людьми. Может быть, лучше не ворошить их прошлое, раз они его скрывали даже от вас?

– Матушка перед смертью пыталась мне что-то сказать, показывала на сундук, на ключ от шкатулки, хранившийся у нее на груди. Значит, это важно для меня. И то, что берегла свою тайну до последнего вздоха, тоже говорит о ее значимости. Я не смогу спокойно жить, пока не выясню, что скрывается за этим документом.

– Ну, тогда ищите. Вы настойчивая. По мне так лучше не трогать старые тайны. Неизвестно, что вы откопаете, и как это изменит вашу жизнь. Спрячьте этот документ и займитесь своим будущим. Может быть, разгадка сама найдёт вас, когда время придет.

Незаметно, шажочек за шажочком, подкралась осень, зашуршала умирающими на мокром асфальте листьями. В зале телефонной станции, наполненном аппаратурой, проводами, голосами барышень-телефонисток, весь день ярко горели дуговые лампы. Агата привычно переключала штекеры, соединяя абонентов. Она научилась одновременно читать конспекты и вполуха слушать разговор, чтобы уловить его окончание. К концу смены от таких упражнений побаливала голова. Вдруг она насторожилась. Ее ухо уловило знакомое слово в иностранной речи. Разговаривали две женщины. Забыв о конспекте, Агата напряженно вслушивалась в чужие голоса. Вот снова мелькнуло знакомое сочетание звуков... и еще. Именно эти слова слышала она в детстве в беседах родителей. Звонили из отеля на Галвин Роуд в один из домов района Белвью. Она быстро записала номера абонентов

и, едва в наушниках раздался щелчок повешенной трубки, побежала к техникам, обслуживающим телефонные линии. Но, как ни просила назвать адреса, по которым установлены эти телефоны – техники отказались, «не положено» и все! Расстроенная, вернулась Агата на свое место. А на следующий день обнаружила в тетради с конспектами листок с двумя адресами. Кто из техников сжалился над девушкой, она не знала, да это было и неважно, главное, у нее теперь была ниточка в руках.

В ближайший свободный день Агата шагала по Фэрвакс Драйв в поисках нужного дома. Телефонном в отеле мог воспользоваться любой из постояльцев, искать там было бесполезно. Все ее надежды были в Белвью.

Ещё несколько лет назад в этом месте простирались кукурузные поля, но город, питаемый, как артерией, железной дорогой, быстро рос и расплзался, словно дрожжевое тесто.

Улица застроена новенькими коттеджами с лужайками перед каждым. Вот нужный номер. Двухэтажный дом, выкрашенный голубой краской, смотрелся весьма ухоженно. Подстриженный газон огорожен белым штакетником. Пушистая кошка, поджав лапки под брюшко, дремала на перилах крыльца. Агата поднялась по ступеням. Кошка настороженно наблюдала за ней, готовая дать дёру. Из дома едва слышно доносилась музыка. Агата покрутила ручку звонка. За дверь тренькнул колокольчик. Музыка тут же смолкла, однако дверь оставалась запертой. Девушка позвонила снова. В от-

вет тишина, только чуть дрогнула штора на одном из окон. Или Агате это померещилось? Она вновь настойчиво крутанула звонок. Наконец за дверью послышались осторожные шаги.

– Кто там? Что вам надо?

– Мне нужно поговорить с Кларой... э-э... Аллес.

– Ее нет. Мистер и миссис Аллес уехали отдыхать во Флориду. Приходите через пару недель.

Шаги удалились. Агата в растерянности смотрела на запертую дверь. Кошка, спрыгнув с перил, важно удалилась за угол дома. Агата, подумав, вновь покрутила звонок.

– Вы еще что-то хотите узнать? – из-за двери раздался тот же осторожный голос.

– Да. Как давно уехала миссис Аллес?

– Пять дней назад. А в чём дело?

– Скажите, а кто третьего дня ответил на звонок из отеля на Галвин Роуд? Ведь кто-то разговаривал по телефону!

За дверью послышалось шушуканье, потом тот же голос нерешительно произнес:

– Я разговаривала.

– Тогда мне нужны именно вы. Откройте же, прошу вас! Я не сделаю вам ничего дурного.

За дверью опять послышалась возня, шепот. Замок щелкнул, в приотворенной двери, придерживаемой цепочкой, показалось испуганное женское лицо.

– Что вам угодно? Хозяева запрещают пускать в дом по-

сторонних в их отсутствие.

– Я не собираюсь заходить в дом. Ответьте только на мой вопрос. Дело в том... я телефонистка и вынужденно слышала ваш разговор... Скажите, на каком языке вы разговаривали?

– На русском. Разве это запрещено? Я разговаривала с сестрой.

– Нет, что вы! Нет, конечно. Скажите, а вы не могли бы перевести мне одну бумагу? Это очень важно для меня!

Щелка захлопнулась, звякнула цепочка, дверь вновь распахнулась, уже во всю ширь. На пороге стояла невысокая аккуратненькая женщина средних лет. Клетчатое, наглухо застегнутое платье больше походило на форменное, чем на уютное домашнее.

– Видите ли, я говорю на русском, понимаю русскую речь, но читаю и пишу только на английском. Моя семья эмигрировала в Америку, когда мне было всего пять лет. Я училась в американской школе. Но, пожалуй, вам сможет помочь моя сестра. Ей было четырнадцать. Она не только говорит, но и читает на русском. Вам повезло, как раз сейчас она здесь.

Женщина окинула улицу настороженным взглядом и быстрым движением втянула Агату в прихожую, захлопнув дверь за ее спиной.

– Понимаете, я служу горничной в этой семье и не хочу потерять работу. А миссис Аллес так строга... Моя сестра работает в Чикаго. Видимся мы, только когда хозяева уезжа-

ют отдыхать. Тогда Надя приезжает в Омаха и останавливается в отеле. Мы созваниваемся по телефону. Встречаемся чаще в городе, в отеле, но иногда сестра приходит ко мне украдкой от соседей, чтобы Аллеси ничего не узнали.

В образцовой, словно картинка в журнале, кухне за столом сидела женщина, очень похожая на ту, что открыла Агате дверь, только постарше и полнее.

– Вот, моя сестра Надежда. А я Катерина. Между собой мы стараемся говорить на родном языке. Ну, чтобы не забыть его совсем. Это такое редкое удовольствие! Словно в детство возвращаешься... Хотите чаю?

Агата не стала отказываться. За чаем настороженность растаяла, разговор потеплел. Гостья рассказала о хранящемся у нее документе, показала его Надежде. Та внимательно пробежала бумагу глазами и уверенно перевела.

– Хм... Тут сказано: «Двадцать восьмого августа одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года рождена, двадцать третьего ноября крещена дочь Ольга. Отец – уволенный в запас армии унтер-офицер Степан Фролов Крутихин, православного вероисповедания. Мать умерла родами. Восприемники: сельца Любимовка крестьянин Дмитрий Спиридонов Сластунов и законная жена его Анна Андреева, оба православные. Таинство крещения совершили священник Андрей Бодров и исполняющий должность псаломщика Капитон Крипович. Настоящее метрическое свидетельство выдано двадцать пятого ноября одна тысяча восемьсот восемь-

десять восьмого года Свято-Троицким собором Уфимской губернии Бирского уезда города Бирск»... Всё.

Надежда вернула бумагу. В кухне повисла тишина. Обе женщины выжидательно смотрели на Агату. А та задумалась, пытаясь понять, какое отношение имеет это метрическое свидетельство, выданное так далеко от штата Небраска, к ней и к ее семье.

– Бирск... это где?

– Тут сказано «Уфимской губернии», это где-то на Урале... в глубине России.

Агата вспомнила огромное пятно на карте мира, расплывшееся по двум континентам. Н-да... это тебе не маленькая Чехия. Пытаться там искать ответ – немыслимое дело.

В середине дня осенняя хмарь постепенно стала рассеиваться. Солнце неуверенно поглядывало на город сквозь прорехи в тучах. Агата в задумчивости шагала по обочине Брентон авеню. Теперь она знает, что хранится в загадочном конверте. Но что с этим знанием делать? Какое отношение этот документ имеет к ней и ее родителям? Эта самая Ольга всего на месяц старше ее, Агаты. Кто она? А родители Агаты, оказывается, между собой говорили на русском языке. Выходит, что они русские? Почему они это скрывали даже от нее, дочери? Почему выдавали себя за чехов? Свобода – фамилия чешская... значит, имя и фамилия у них не настоящие? И она, Агата, по происхождению русская? И никакая не Свободова? Да кто же и откуда она, черт возьми, на са-

мом деле?! Она надеялась сегодня разгадать загадку, а вместо этого получила целый ворох новых. Все ее представления о себе, своих корнях рушились, почва под ногами перестала быть надежной. Прав был мистер Эванз, не надо было лезть в эту тайну. Жила бы и жила себе спокойно Агатой Свободовой. Может быть, выкинуть этот конверт и забыть про него? Она вытащила его из сумочки и направилась к ближайшему мусорному баку. Вдруг вспомнила жест умирающей матери, руку на ключике от заветной шкатулки. «О-ола... О-ола»... В метрике записано имя Ольга... Возможно, именно его пыталась произнести мать? Выкидывать конверт поздно, ей уже не выбросить эти вопросы из своей головы. Они не дадут ей покоя, пока она не найдет ответы.

Постояв над баком, Агата вернула конверт в сумочку, побрела дальше. Мимо проносились автомобили, проезжали повозки. Мир остался прежним. Отправляться за разгадкой в огромную чужую страну – это чистое безумие! Об этом нечего даже думать! Впрочем... может быть, когда-нибудь...

Агата устала. Сколько километров она прошагала, занятая своими мыслями? И вообще, куда забрела? Увидев неподалеку магазин, девушка решила зайти, спросить дорогу. На небольшой площадке перед входом стояла круглая тумба, оклеенная толстым слоем афиш, объявлений. Ветер сорвал одно из них. Листок спланировал на подол Агате. «Даю уроки русского языка. Недорого. Возможны как индивидуальные, так и групповые занятия. Звонить по телефону 135.

Спросить Анну». Агата перечитала объявление несколько раз, подумав, положила его в сумочку рядом с конвертом.

Глава 4. Утонувший венок

Август 1848 года, Бирск

Над рекой поплыл прерывистый гудок баржи, тянущей за собой караван плотов. На волнах закачалась лодка бакенщика, заплясал зажженный им огонь. Достигнув берега, волны мягко зашлепали по песку. На берегу, чуть выше кромки воды, догорал костер, испуская последние рваные струйки дыма. Гулянка иссякла, молодежь, вслед за гармонистом, потянулась к Большой Ильинской, круто взбирающейся по склону к Верхнему городу. Кто-то повернул к череде домов Нижнего города. Несколько парочек замешкались на берегу, оттягивая момент расставания.

У воды на бревнышке сидели девушка лет шестнадцати с толстой темной косой и коренастый русоголовый парень постарше. Она торопилась доплести венок, а ее дружок перебирал охапку полевых цветов, выбирая подходящие для венка, и подавал их подружке.

– Сейчас, еще немножко и доплету. И пойдем. А то опять батя с вожжами встретит... Давай вот этот, аленький... Ты меня проводишь, Степушка?

– Конечно, Стеша. Вот кабы не надо было расставаться!

Парень скользнул кончиками пальцев по белой шее вдоль косы. Девушка отпрянула.

– Ты чего?

– Да... комара отогнал. Тебе когда семнадцать будет?

– Скоро. На Покров.

– А мне на Воздвижение двадцать один исполнится. Значит, после Покрова сватать тебя приду. Пойдешь за меня?

– Все шутишь?

– Не-е, взаправду говорю. Так пойдешь? Отдадут тебя за меня?

– Пустой разговор. Твой батюшка, Фрол Тимофеевич, ни-почем не согласится. Ему невестка с богатым приданым нужна, не такая, как я. Небось, уж присмотрел какую. Братьев твоих женил с выгодой для себя и тебя женит.

– Может, и присмотрел. Только я ни на ком, кроме тебя, не женюсь. Слово даю.

Степан потянулся губами к порозовевшей щечке. Стеша отгородилась ладошкой.

– Ну! Не балуй! Не жених еще... Все, готов венок, – девушка надела свое творение на голову, глянула на дружка из-под цветов, – ну как?

Парень примолк, любуясь ею. Потом встал, снял с головы подруги венок, надел на себя и пропел басом:

– Венчается раб божий Степан рабе божьей Степаниде.

Затем потянул Стешу за руку, поставил напротив себя, снял венок и торжественно водрузил его на девичью головку:

– Венчается раба божья Степанида рабу божьему Степану... Аминь!

С реки отозвался низкий гудок парохода. Девушка смотрела на друга серьезно, без улыбки:

– погоди, я вот что задумала. Давай судьбу испытаем. ежели веноч наш поплывет по реке, значит, будет по-твоему, быть мне твоей женой. А ежели утонет, значит, не судьба, не дадут нам...

Степан закатал штанины, зашел по колена в реку и осторожно положил веноч на воду. Тот качнулся на волне раз... другой... накренился... и медленно ушел вглубь.

Стеша побледнела.

– Поздно уже, домой давно пора.

Повернулась и пошла, почти побежала в сторону набережной улицы. Степан догнал ее с мокрым венком в руках.

– Ну, ты чего? Вот он наш веноч, держи. Высохнет. Подумаешь, волной захлестнуло. Это я виноват, поспешил.

– Нет, это я виновата, слишком туго сплела. Был бы поразлапистей, удержался бы. Как бы то ни было, веноч утонул, значит не судьба.

– Да брось ты! Глупая затея. Подумаешь, веноч! Как я сказал, так и будет. Я свое слово держу.

Просторный бревенчатый дом лесоторговца Крутихина стоял на высоком берегу, над самой кручей. Каменный фундамент, резное крыльцо, широкий мезонин с балконом выделяли его из ряда соседних домов. Из окна мезонина от-

крывался завораживающий вид на серебристые воды реки Белой, широкой лентой огибающей гору. А дальше простирались бескрайние заливные луга Забелья. Горизонт терялся в голубоватой дымке марева. Закаты здесь казались далёкими. А как в начале лета пели соловьи в роще на крутом склоне горы!

Хозяин дома, Фрол Тимофеевич, много лет тому назад, совсем юным пареньком пришел в Бирскую крепость с двумя старшими братьями откуда-то с севера, то ли из казанских земель, то ли с уральских заводов. Денежка у братьев водилась, никто не знает, откуда, но на лесопилку хватило. И занялись братья лесоторговлей. Дело у них заспорилось, тому способствовала река, по которой они доставляли свой товар в Уфу. Да и сам Бирск рос и строился. Уж очень удачное расположение было у поселка. Военная крепость на глазах превращалась в купеческий уездный городок. Благодаря полноводной реке, по которой доставлялись и увозились самые разные товары, процветали ремёсла, торговля, богатели купцы. Вскоре братьям стало тесно в маленьком Бирске. Старшие подались в Уфу, открыв там торговлю, а младший, Фрол, к тому времени женился, отстроился и прочно осел в полюбившемся месте. Жена его, Агафья Прохоровна, бирская мещанка, родила ему трех сыновей. Старшие Михаил и Николай характером и внешностью удались в мать, спокойные, сговорчивые, хлопот отцу не доставляли. А младший, Степан, рос упрямым, своевольным, характерным – в отца.

Между отцом и сыном частенько вспыхивали ссоры. Как известно, больше всего в близких людях нас раздражают собственные нам самим недостатки. Матери то и дело приходилось гасить конфликты, примирять мужа и сыночка. До поры ей это удавалось. Тот ребенок, с которым больше всего забот и тревог, и есть самый любимый, потому сердце Агафьи Прохоровны за младшенького более всего болело.

Проводив Стешу, Степан торопливо поднялся в обход улиц по едва приметной, одному ему ведомой тропинке, ведущей вверх по крутому склону, напрямиком к отцовскому дому. Узкий месяц словно нырял в облаках, таких же темных, как само ночное небо. Семья Крутихиных собралась за столом вокруг самовара. Сам хозяин, Фрол Тимофеевич, был невысокого роста, но крепкий, с широкой грудью и сильными руками. Никто не осмеливался спорить с ним, натолкнувшись на пристальный взгляд из-под кустистых бровей. И жена не решалась напрямую перечить мужу, у нее были свои методы, чтобы сменить его гнев на милость. Кроме родителей за столом сидели старшие сыновья с невестками. Оба сына недавно женились, строились, а пока жили в родительском доме, благо места всем хватало. За столом не было лишь младшего сына, и отец хмурился, поглядывая на пустой стул. Вернувшись, Степан приготовился к нагоню, но отец был настроен на удивление миролюбиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.